

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.7112>

Дата подачи статьи: 20 июня 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 августа 2021 г.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА *АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН*

Юлия Павельева

ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына»,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

e-mail: up1469@yandex.ru

Аннотация: Многие произведения Александра Солженицына имеют автобиографическую основу. Алленштейн (современный Ольштын) стал одной из тех отметок в личной судьбе писателя, что привели его к Нобелевской премии и всемирной известности. Алленштейн – это та пространственная точка, которая организует сюжет военной повести *Адлиг Швенкиттен*. Данное произведение имеет весьма характерный подзаголовок – *Односуточная повесть*, что указывает на временной отрезок, в котором заключено действие повести. Заголовок говорит о пространственных координатах: узкой локальной зоне в Восточной Пруссии, куда делается переброска войск тяжелой артиллерии, лишенных поддержки пехоты и далеко отставшего тыла. Хронотоп повести задан предельно конкретно уже в самом названии: заголовок определяет пространственные, а подзаголовок – временные координаты. В художественном отношении это те моменты, которые характеризуют сюжетную специфику повести. Художественное преобразование событий жизни писателя становится знаковым явлением в литературе, когда за обычными деталями выступает целая художественная вселенная, связанная, по мысли писателя, «с первоосновами человеческого бытия».

Ключевые слова: Александр Солженицын, время, пространство, хронотоп, сюжетная специфика

Submitted on June 20, 2021
Accepted on August 20, 2021

SPACE AND TIME IN ALEXANDR SOLZHENITSYN'S STORY *ADLIG SCHWENKITTEN*

Yulia Pavelieva

State Budgetary Institution of Culture of Moscow “House of Russian abroad named after Alexander Solzhenitsyn”, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5231-2706>

e-mail: up1469@yandex.ru

Abstract: Many literary works of Alexandr Solzhenitsyn have an autobiographical basis. Allenstein (present-day Olsztyn) is one of the important points in Solzhenitsyn's personal life which led to the Nobel Prize and worldwide fame for the writer. Allenstein becomes one of crucial spatial points that organize the plot of Solzhenitsyn's military story *Adlig Schwenkitten*. This work has a very characteristic subtitle, “A Tale of 24 Hours”. The subtitle indicates the time of the story. The header contains information about spatial (geographic) coordinates. This is a narrow local area in East Prussia. The forward units of heavy artillery troops move here, while the infantry and rear services remain far behind. The chronotope of the story is set in an extremely specific way already in the title itself: the title defines the spatial coordinates, and the subtitle defines the temporal coordinates. In artistic terms, these are the moments that characterize the plot specificity of the story. The writer transforms the events of his life with the help of artistic means. This transformation becomes a landmark phenomenon in literature. Behind the usual details, you can see the whole artistic universe, which, as the writer said, is connected “with the fundamental principles of human existence”.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, time, space, chronotope, the specifics of the plot

Профессор Люциан Суханек, основоположник польской эмигрантологии и автор не только одной из первых в Польше книг о Александре Исаевиче Солженицыне, но и многих других работ о творчестве писателя, ставших классикой литературоведения, объяснял причину неподдельного интереса к литературной деятельности русского нобелиата в Польше:

Среди писателей третьей волны эмиграции особое место принадлежало Солженицыну, и его тексты нужно было прежде всего донести до польского читателя. В Польше судьба его произведений была аналогична советской: в либеральную эпоху польского Октября (синоним русской оттепели) появился его *Один день Ивана Денисовича* и другие рассказы, а потом наступило молчание. Творчество писателя подвергалось нападкам и получало лишь критические оценки, выносимые, как правило, на основании переводов с русского» [Суханек 2000, 180].

Проводя обзор знаменитой научной конференции «Лики России», организованной Ягеллонским университетом еще при жизни писателя, в декабре 1981 года, Люциан Суханек выделил таких известных исследователей творчества Солженицына, как Анджей Дравич и Гжегож Пшебинда [Суханек 2000, 182]. Со всей определенностью можно говорить о неподдельном интересе и многих других польских ученых к различным аспектам литературной деятельности Солженицына. Вместе с тем, как заметила Моника Сидор:

Adlig Schwenkitten należy do tych utworów w spuściźnie Aleksandra Sołżenicyna, które dotychczas nie były obiektem badania polskich uczonych. Dzieło to powstało w roku 1998, czyli 5 lat po powrocie „pustelnika z Vermont” do ojczyzny. Sołżenicyn był wówczas już dobrze znany czytelnikom polskim, a w obiegu literaturoznawczym funkcjonowały polskie opracowania monograficzne twórczości pisarza. Mimo wielkiego autorytetu, którym autor *Archipelagu Gulag* cieszył się w Polsce i wzmożonego zainteresowania jego wcześniejszą twórczością, demaskującą zbrodnie systemu komunistycznego, działalność społeczna i literacka Sołżenicyna po roku 1994 pozostała właściwie poza spektrum badawczym polskich uczonych, choć jego późne utwory dość szybko zostały przełożone na język polski i doczekały się polskich wydań [Sidor 2014, 99].

В творческом наследии Солженицына художественная проза о войне – Великой Отечественной, Второй мировой – по замечанию американского слависта Алексея Климова, по количественному показателю занимает небольшое место, но в качественном отношении весьма значительна [Климов 2011, 3]. Повесть *Адlig Швенкиттен* критики не раз называли одним из лучших произведений Солженицына, написанных в 90-е годы ушедшего века. Скупую формулу Сергея Сергеевича Аверинцева: «Солженицын – замечательный баталист», – развивает Юрий Михайлович Кублановский: «Маленькая повесть *Адlig Швенкиттен* – о боях в Восточной Пруссии в январе 1945-го – настоящий шедевр позднего Солженицына, где его литературное мастерство достигло предельной концентрации» [Кублановский 2005, 516].

Польская исследовательница Моника Сидор отмечает, что несмотря на близость Солженицына «...к традиционной модели русского реализма»

и стилистическую родственность «...соцреалистическому руслу литературы», писатель «...удивительно внимателен к самым новым художественным течениям, чувствителен к малейшим нюансам эстетической сферы» [Сидор 2012, 124; см. также: Sidor 2014, 100–101]. Этим замечанием литературовед предваряет разговор о жанровой особенности повести Солженицына.

Со времен введения Михаилом Михайловичем Бахтиным в активный литературоведческий обиход термина «хронотоп» [Бахтин 1986, 5–25; 121–290], это понятие определяется как один из важнейших компонентов художественного произведения, характеризующий особенности сюжета и жанра. Именно время и пространство высвечивают авторскую специфику военной повести Солженицына.

Адлиг Швенкиттен имеет весьма характерный подзаголовок: *Односуточная повесть*. Эта часть заголовочного комплекса определяет временной отрезок повести: сутки, состоящие из 24-х часов, – и, в соответствии с этим, повесть имеет 24 главки. Главки пронумерованы, но при этом дополнены непронумерованным эпилогом, что не нарушает логику повествовательного времени, поскольку в эпилоге идет рассказ о том, что выходит за рамки одних суток. Действие повести ограничено, с одной стороны, утром 26-го января и длится, соответственно, до утра 27-го, а эпилог расширяет временные границы: речь идет о вечере 25-го января, когда Восточная Пруссия оказывается отрезанной от Германии (что упомянуто и в начале повести) до 2-го февраля 1945 года: «2 февраля мы снова отбили и Либштадт, и восточнее, и разведка пушечной бригады вошла в Адлиг Швенкиттен» [Солженицын 2006, I, 527], – и далее – до марта: «Спустя многие дни, уже в марте, подали наградную и на майора Боева – Отечественной войны 1-й степени. Удовлетворили» [Солженицын 2006, I, 527], и еще дальше – до послевоенного времени:

Тоже и командир стрелковой дивизии в своих послевоенных мемуарах – однодневного комполка майора Балужева не упомянул.
Провалился, как не был [Солженицын 2006, I, 528].

Пространственные координаты в повести также четко определены: это узкая локальная зона вокруг одноименной местности в Восточной Пруссии, куда делается переброска войск тяжелой артиллерии без поддержки пехоты и в отрыве от далеко отставшего тыла.

В комментариях к произведению об этом подробно написал Владимир Владимирович Радзишевский:

В повести тяжелая пушечная бригада двумя дивизионами выдвигается от Алленштейна¹ на север, к городу Либштадту². Расстояние между городами 25 километров. От Либштадта один из дивизионов забирает севернее, другой направляется на восток, чтобы занять позиции километрах в семи-восьми от города: переезжает на восточный берег реки Пассарге³, через полтора километра оставляет за спиной деревню Адлиг Швенкиттен⁴. На ее восточной окраине устанавливаются четвертая и пятая батареи (восемь пушек). Шестая (еще четыре пушки) располагается метрах в восьмистах южнее и наискосок назад, у деревушки Кляйн Швенкиттен. Звукобатарея от Адлига отправляется на два с лишним километра на северо-восток, к Дитрихсдорфу⁵ [Радзишевский 2006, 655].

Научный комментарий находит отклик в интернет-пространстве: сравнивая карты, Войцех Бещински, именующий себя на Форуме Поисковых Движений «Войцехом из Гданьска», пишет: «Оказалось, что происходящие события довольно крепко определены в реальном пространстве, примерно на половине пути между городами Ольштын и Эльбленг» [Бещински, online].

Таким образом, хронотоп повести задан предельно конкретно уже в самом названии: заголовок определяет пространственные, а подзаголовок – временные координаты. И первые строки повести обращены именно к этим ориентирам:

В ночь с 25 на 26 января в штабе пушечной бригады стало известно из штаба артиллерии армии, что наш передовой танковый корпус вырвался к балтийскому берегу! И значит: Восточная Пруссия отрезана от Германии! [Солженицын 2006, I, 487].

О художественных особенностях сюжетно-фабульного комплекса писала Ирина Владимировна Некрасова, правда, несколько смещая даты:

Эти сутки с 25 до 26 января победного года и стали фабульной основой повести. Одни сутки... один день – но сколько он вместил в себя!
Александр Солженицын использует здесь многие авторские наработки из знаменитого *Одного дня Ивана Денисовича*, в частности, расширение хронотопа за счет воспоминаний, историй жизни, писем [Некрасова 2020, 142].

И действительно, в *Адлиг Швенкиттен* мы легко найдем все эти приемы. Можно согласиться с исследовательским мнением, что

¹ Современный город Ольштын.

² Современный город Милаково.

³ Современная река Пасленка.

⁴ Ныне деревня Швенкиты.

⁵ Ныне поселок Бяла Воля.

ведущее значение в организации пространственно-временных отношений в малой прозе А.И. Солженицына приобретает детальное изображение ограниченного периода в судьбе героя, который, однако, становится целостным отражением всей жизни не только одного человека [Бай, Сорокина 2015, 24].

Время имеет специфические черты, то ускоряясь по ходу развития действия, то замедляясь, погружая нас в воспоминания героев повести и раскрывая детали их внутреннего мира.

Вот, например, целиком заполнившие 8-ю главку неторопливые и горькие воспоминания и рассуждения Павла Петровича Кандалинцева, объясняющие омертвление его чувств:

Да, война – повседневное тяжкое бремя со вспышками тех дней, когда и голову легко сложить или кровью изойти неподобранному. Однако и на ней не бывает такого угнетённого сердца, как тихому интеллигенту работать в разоряемой деревне девятьсот тридцатого – тридцать первого года. Когда бушует вокруг злобно рассчитанная чума, видишь глаза гибнущих, слышишь бабий вой и детский плач – а сам как будто от этой чумы остережён, но и помочь никому не смеешь.

Так досталось Павлу Петровичу сразу после института, молоденькому агроному, принявшему овощную селекционную станцию в Воронежской области. Берёт ростки оранжерейной рассады, когда рядом ростки человеческие и двух лет, и трёх месяцев отправляли в лютый мороз санями – в дальний путь, умирать. Видишься и сам себе душителем...

От тех месяцев-лет стал Павел Петрович всё окружающее воспринимать как-то не вполноту, недостоверно, будто омертвели кончики всех нервов, будто попригасли и зрение его, и смех, и обоняние, и осязание – и уже навсегда, без возврата...

И с этими навсегда притупленными чувствами Павел Петрович не вполноту ощутил и отправку на войну в августе сорок первого, младшим лейтенантом от прежних призывов...

Вот и война кончилась. Как будто пережил? Но и тут малочувствен оставался Павел Петрович: может, ещё и убьют, время осталось. Кому-то ж и в последние месяцы умирать [Солженицын 2006, I, 500–501].

Эти воспоминания раздвигают временные и пространственные границы произведения: знаковыми отметинами входят в повесть 30-е годы XX века, а пространственные координаты, уводят читателя от мест военных действий вглубь России, расширяясь от хлебного Черноземья (Воронежская область) до не названных прямо, но ясно прозреваемых, гибельных северных областей. И эти точки – уже символы истории поколений.

Но для солженицынской поэтики характерно не только расширение географических горизонтов или временных отрезков, но и их предельная концентрация, «сжатие». И вот в 22-й – 23-й главах время буквально проскочило, как только «из смутного ночного брезга, из полного беззвучья – грянуло на 5-ю батарею сразу от леса справа...» [Солженицын 2006, I, 522]. И воспоминания одного из героев повести, Олега Топлева, не замедляет, а подгоняет время в бою:

Уже гранат на батарее не метали. Достреливал кто-то кого-то.
Бежали сюда, на пожар, пули просвистывали рядом, цель видна.
И Топлев – побежал со своими штабными солдатами.
Бежал – зная только направление верное, а весь смысл – потерял.
Кто-то ещё сбоку бежал, с батареей, не видно.
В голове проносилось: детство, школа – да с какой плотностью, да всё сразу [Солженицын 2006, I, 523].

Здесь скорость времени подчеркнута еще и визуально, графическим членением текста: буквально каждое предложение начинается с новой строки.

Эта плотность боевого времени возникает и в разговоре других героев повести: «Кандалинцев и Гусев потом только вместе, помогая друг другу, – могли и не могли вспомнить, как же оно точно было? Что после чего? И чья именно пушка попала в первый танк? и в третий? и отчего горел бронетранспортер?» [Солженицын 2006, I, 523].

Наконец, еще одно свидетельство Топлева как бы подводит итог временной концентрированности:

Не поверил Олег, глянувши на часы: куда три часа ушло? Как они сжались, проскочили? Будто канули в бою.
Уже и светало [Солженицын 2006, I, 525].

Анализируя односуточную повесть, М. Сидор указывает на то, что «с ее первых строк видна динамика войны», при этом исследовательница отмечает, что «военная жизнь отображается здесь... до мельчайших подробностей: с точными определениями позиций и передвижений войск, топографическими деталями и техническими комментариями, понятными лишь знатокам военного дела. Сразу Солженицын вводит читателя в конкретное историческое время и дает информацию, позволяющую определить роль повествователя – *неизвестного* свидетеля, который *не проявляет* (курсив в обоих случаях мой. – Ю.П.) своей точки зрения и время от времени спосо-

бен проникать в мысли персонажей» [Сидор 2012, 126]. В польском издании статьи это звучит следующим образом:

Od pierwszych chwil akcji pisarz wprowadza czytelnika w konkretny czas historyczny i udziela informacji na temat roli narratora — nieznanego świadka wydarzeń, nieujawniającego swoich emocji ani stosunku do przedstawianej rzeczywistości, lecz zdolnego wnikać w myśli czy sny bohaterów. Jego status nie zmienia się do końca utworu [Sidor 2014, 104].

И если первая часть утверждения не вызывает сомнений, то вторая часть, где речь идет о роли рассказчика, требует уточнений. Свидетель (и он же летописец) военной правды, не всегда благообразной и сверкающей, если и не дает прямых оценок, то свою позицию ясно выражает благодаря четко выверенным художественным особенностям произведения. Начиная с посвящения:

Памяти майоров
Павла Афанасьевича Боева
и Владимира Кондратьевича Балужева [Солженицын 2006, I, 487].

– и заканчивая финальными строками эпилога авторская позиция не вызывает сомнений. Здесь, пожалуй, можно говорить о более чутком прочтении повести другим исследователем литературы – известным поэтом Ю.М. Кублановским, который, определяя сюжет *Адлиг Швенкиттен*, сказал об отдании на *заклание* лучших: «...бессмысленная гибель множества лучших солдат и офицеров, сформировавшихся именно в годы войны во всей своей внутренней мужественной самостоятельности...» [Кублановский 2005, 516].

В эпилоге время не просто замедляется, а словно застывает в морозной омертвелости. Никакие награды не вернут погибших бойцов, и вычеркнутые из наградного листа фамилии представителей бригадной верхушки являются будто немым свидетелем погружения в бесконечность, но эта немота нарушается наложенной резолюцией:

Начальник артиллерии армии, высокий, худощавый, жёсткий генерал-лейтенант, прекрасно сознавал и свою опрометчивость, что разрешил так рано развёртывание в оперативной пустоте ничем не защищенной тяжёлой пушечной бригады. Но тут – его взорвало. Жирным косым крестом он зачеркнул всю бригадную верхушку во главе списка – и приписал матерную резолюцию [Солженицын 2006, I, I, 527].

Ю.М. Кублановский вспоминает о ранней поэме Солженицына *Дороженька*, где нобелевский лауреат пишет:

Я ношу в себе заряд историка
И обязанности очевидца... [Солженицын 2016, XVIII, 77].

И в военной повести *Адлиг Швенкиттен*, как и в других произведениях, Солженицын не отступает от выполнения своей высокой и трудной миссии. Характеризуя еще одну военную повесть А.И. Солженицына – *Случай на станции Кочетовка* – литературовед, поэт и прозаик Ольга Александровна Седакова, отталкиваясь от известной формулировки Дмитрия Сергеевича Мережковского: «Тайнозритель плоти – Толстой. Тайнозритель духа – Достоевский», – утверждает: «Солженицын – тайнозритель социального и исторического» [Седакова 2005, 322]. Исследователь видит в этом то новое, что отличает эпоху середины XX века от других периодов истории литературы, и то, что определяет талант художника – «достойного свидетеля времени»:

Социальная история стала стихией, которая захватила частную жизнь человека: нет, не только частную, но и публичную жизнь, умственную, профессиональную жизнь. Сказать точнее – история встала между человеком и его жизнью, между ним и его же мыслью, и частной и публичной [Седакова 2005, 323].

Павел Евсеевич Спиваковский, обращаясь к опыту прочтения знаменитого солженицынского рассказа *Один день Ивана Денисовича*, отмечает писательское высказывание о том, он «умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия» [Спиваковский 2012, 9]. Произведения, относящиеся одно – к лагерной, другое – к военной прозе, объединены временным промежутком, имеющие границы одного дня, одних суток. И в том, и в другом случае «день», «сутки» вписываются в более широкий временной контекст, выходят на уровень не только «исторического», но и «вечного».

Многие произведения Солженицына имеют автобиографическую основу. Но художественное преобразование этого материала становится знаковым событием в литературе. Алленштейн (современный Ольштын) – географическая точка, которая, благодаря художественному таланту писателя, увековечена в литературном пространстве. Одни сутки военной жизни в Восточной Пруссии – это те пространственно-временные координаты, которые организуют сюжет повести *Адлиг Швенкиттен*, точно также как восточ-

но-прусский отрезок военного пути Солженицына, организовавший сюжет его жизни, становятся важной отметкой не только в личной судьбе писателя: одним из этапов движения к Нобелевской премии и всемирной известности – но и летописным свидетельством, повествующем о формировании лика Истории человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бай Ян, Сорокина Наталия Владимировна. 2015. *Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына*. «Вестник Томского государственного университета. Филологические науки и культурология. Языкознание» Вып. 1: 20–25.
- Бахтин Михаил Михайлович. 1986. *Литературно-критические статьи*. Москва: Художественная литература.
- Бецински Войцех (Войцех из Гданьска). *Адлиг Швенкиттен*. Форум Поисковых Движений. (online) <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=12049.0> (доступ 24.12.2020).
- Климов Алексей. 2011. *Заметки о двучастном рассказе «Желябугские Выселки»*. В: *Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: художественный мир. Поэтика. Культурный контекст*. Ред. Урманов. Вып. 5. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 3–10.
- Кублановский Юрий. 2005. *Проза зримая, слышимая, обояемая... Опыт прочтения военных рассказов Александра Солженицына*. В: *Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына*. Москва: Русский путь: 514–518.
- Некрасова Ирина Владимировна. 2020. *Художественное воплощение Великой Отечественной войны в современной русской литературе*. В: *Отечественная литература как духовный стержень патриотической общенациональной идеи России (к 75-летию Великой Победы). Материалы Всероссийской научно-практической конференции 23 октября 2020 г.* Ред. Радаевой Э.А., Филаговой Н.С. Самара: «Научно-технический центр»: 138–151.
- Радзишевский Владимир Владимирович. 2006. *Комментарии*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1*. Москва: Время: 655–659.
- Седакова Ольга. 2005. *Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка»*. В: *Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына*. Москва: Русский путь: 322–331.
- Сидор Моника. 2012. «Адлиг Швенкиттен» Александра Солженицына в контексте поисков жанра. «Пушкинские чтения» № XVII: 124–130.
- Солженицын Александр. 2006. *Адлиг Швенкиттен*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1*. Москва: Время: 485–528.
- Солженицын Александр. 2016. *Дороженька*. В: *Солженицын Александр. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18*. Москва: Время: 9–212.
- Спиваковский Павел Евсеевич. 2012. *Через полвека*. В: *«Ивану Денисовичу» полвека: юбилейный сборник (1962–2012)*. Сост. Спиваковский П.Е., Есина Т.В. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына: Русский путь: 5–11.
- Суханек Люциан. 2000. *Русская эмиграция третьей волны и поляки*. В: *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Сост. Липатов А.В., Шайтанов И.О. Москва: Индик: 176–184.
- Sidor Monika. 2014. „Adlig Schwenkitten” w kontekście Aleksandra Sołżenicyna poszukiwań formalnych. „Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze” nr 24: 99–108.

REFERENCES

- Bahtin Mihail Mihajlovič. 1986. *Literaturno-kritičeskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Hudožestvennaâ Literatura. (In Russian)
- Baj Ân, Sorokina Nataliâ Vladimirovna. 2015. *Prostranstvenno-vremennye koordinaty sobytij w maloju proze A.I. Solženicyna* [Space-time coordinates of events in the small prose of A.I. Solzhenitsyn]. "Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologičeskie nauki i kul'turologiâ. Azykoznanie" no 1, pp. 20–25. (In Russian)
- Bešinski Vojceh (Vojceh iz Gdan'ska). *Adlig Švenkitten* [Adlig Schwenkitten]. Available at: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=12049.0> (Accessed 24 December 2020). (In Russian)
- Klimov Aleksej. 2011. *Zametki o dvučastnom rasskaze "Želâbugskie Vyselki"* [Notes on the two-part story "Zhelyabug Settlements"]. "Malye žanrovye formy w tvorčestve A. Solženicyna: hudožestvennyj mir. Poëtika. Kul'turnyj kontekst". Ed. Urmanov A.V. No 5. Blagoveshchensk, Izd-vo BGPU, pp. 3–10. (In Russian)
- Kublanovskij Ūrij. 2005. *Proza zriimaâ, slyšimaâ, obonâemaâ... Opyt pročteniâ voennyh rasskazov Aleksandra Solženicyna* [Visible, audible, and smelled prose... The experience of reading military stories by Alexander Solzhenitsyn]. In: *Meždu dvumâ ūbileâmi: Pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorčestve A.I. Solženicyna*. Moscow, Russkij put', pp. 514–518. (In Russian)
- Nekrasova Irina Vladimirovna. 2020. *Hudožestvennoe voplošenie Velikoj Otečestvennoj vojny w sovremennoj russkoj literature* [The artistic embodiment of the Great Patriotic War in modern Russian literature]. In: *Otečestvennaâ literatura kak duhovnyj steržen' patriotičeskoj obšenačional'noj idei Rossii (k 75-letiju Velikoj Pobedy). Materialy Vserossijskoj naučno-praktičeskoj konferencii 23 oktâbrâ 2020 g.* Eds Radaeva È.A., Filatova N.S. Samara, "Naučno-tehničeskij centr", pp. 138–151. (In Russian)
- Radžiševskij Vladimir Vladimirovič. 2006. *Kommentarii* [Comments]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. T. 1. Moscow, Vremâ, pp. 655–659. (In Russian)
- Sedakova Ol'ga. 2005. *Malen'kij šedevr: "Slučaj na stancii Kočetovka"* [A small masterpiece: "The incident at the Kochetovka station"]. In: *Meždu dvumâ ūbileâmi (1998–2003): Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorčestve A.I. Solženicyna*. Moscow, Russkij put', pp. 322–331. (In Russian)
- Sidor Monika. 2012. „Adlig Švenkitten” Aleksandra Solženicyna w kontekste poiskov žanra. [“Adlig Schwenkitten” by Alexander Solzhenitsyn in the context of the search for the genre]. "Puškinskie čteniâ" no XVII, pp. 124–130. (In Russian)
- Sidor Monika. 2014. "Adlig Schwenkitten" w kontekście Aleksandra Solženicyna poszukiwań formalnych. "Ruscystyczne Studia Literaturoznawcze" no 24, pp. 99–108.
- Solženicyn Aleksandr. 2006. *Adlig Švenkitten* [Adlig Schwenkitten]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. Vol. 1. Moscow, Vremâ, pp.485–528. (In Russian)
- Solženicyn Aleksandr. 2016. *Dorožen'ka* [Dorozenka]. In: Solženicyn Aleksandr. *Sobranie sočinenij w tridcati tomah*. Vol. 18. Moscow, Vremâ, pp. 9–212. (In Russian)
- Spivakovskij Pavel Evseevič. 2012. *Čerez polveka* [After half a century]. In: "Ivanu Denisoviču" *polveka: ūbilejnyj sbornik (1962–2012)*. Comp. Spivakovskij P.E., Esina T.V. Moscow, Dom Russkogo Zarubežâ im. Aleksandra Solženicyna, Russkij Put', pp. 5–11. (In Russian)
- Suxanek Lyucian. 2000. *Russkaya e'migraciya tret'ej volny' i polyaki*. In: *Polyaki i russkie: vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie*. Comp. Lipatov A.V., Šajtanov I.O. Moscow, Indrik, pp. 176–184. (In Russian)

